

Научная статья

УДК 347.19

EDN [SVGCTS](#)

DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).20

А.И. Хаснудинов*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,*a.hasnutdinov@gmail.com

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО В ДРЕВНЕМ РИМЕ (ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена формированию понятия юридического лица в Древнем Риме. В связи с этим в ней рассматриваются условия, при которых стало возможным выделение в рамках существующих властных структур имущественных отношений, регулируемых частноправовыми нормами. Это привело к созданию союзных образований, обладающих обособленным имуществом и получивших право самостоятельного участия в гражданском обороте. В последующем практика создания подобных правосубъектных образований получила развитие посредством создания корпораций в составе объединяющихся физических лиц. Необходимым условием существования таких субъектов явилось решение вопросов формирования и проявления их воли в процессе совершения юридических действий с участием третьих лиц. Сообразно с этим показан процесс наделения вновь создаваемых субъектов правами участия в различных сферах общественной жизни: вещно-правовых, обязательно-правовых, наследственных и других правоотношениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Юридическое лицо, конструкция юридического лица, корпорация, субъекты гражданских правоотношений, римское частное право.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 3 октября 2022 г.; дата принятия к печати 18 ноября 2022 г.; дата онлайн-размещения 22 декабря 2022 г.

Original article

A.I. Khasnutdinov*Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, a.hasnutdinov@gmail.com*

LEGAL ENTITY IN ANCIENT ROME (CONCEPT FORMATION)

ABSTRACT. The study examines the formation of the concept of a person in ancient Rome. In this regard, it considers the conditions under which it becomes possible to consider property relations regulated by private law within the framework of the public power structure. This happened because of the possible associations of education that have separate property and received the right to participate independently in civil circulation. Subsequently, the practice of creating legal entities was developed by the creation of corporations as part of united individuals.

A necessary condition for the existence of such subjects was the solution of the issues of formation and manifestation of their will in the process of committing legal actions with the participation of third parties. In accordance with this, the process of empowering newly created subjects with the rights to participate in various spheres of public life is shown: property law, law of obligations, inheritance and other legal relations.

KEYWORDS. Legal entity, construction of a legal entity, corporation, subjects of civil relations, Roman private law.

ARTICLE INFO. Received October 3, 2022; accepted November 11, 2022; available online December 22, 2022.

© Хаснудинов А.И., 2022

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

Необходимость обстоятельного исследования вопросов, связанных с формированием понятия юридического лица, может быть поставлена под сомнение по соображениям двоякого рода. С одной стороны, установленные признаки этого явления, рассматриваемые как итог длительного процесса развития общественных отношений, не подвергаются сомнениям, могут быть отнесены к разряду общепринятых, с другой, современный анализ подтверждает адекватность их содержания сложившимся представлениям в науке гражданского права о субъектах гражданских правоотношений. Однако помимо того, что путь, пройденный наукой в процессе становления этого понятия, не был гладким, нельзя с безапелляционностью утверждать, что данный процесс завершен окончательно. Вопрос об основательности самого понятия юридического лица еще совсем недавно (по историческим меркам), по мнению Д.И. Мейера, был подвергнут сомнению: «юридические лица были объявлены костылями, на которых ходит хромая юриспруденция» [1, с. 137]. Подтверждением перманентности процесса совершенствования обсуждаемого понятия является принятый в 2014 г. Федеральный закон № 94 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», действующий ныне в редакции ФЗ от 03.07.2016 г. Предпринимаемые периодически подобные шаги по совершенствованию законодательства о юридических лицах напоминают о том, что этот процесс является как бы двусторонним — связанным с признаками их правосубъектности как самостоятельных участников гражданских правоотношений, с одной стороны (внешняя характеристика юридической личности), и отношениями, складывающимися в рамках юридического лица, формирующими отмеченные признаки, с другой (внутренние отношения).

Начало исследованию условий правосубъектности общественных образований, противопоставляемых физическим лицам как участникам гражданских правоотношений, было положено в Древнем Риме. Как и в большинстве других случаев импульсом к этому послужили соображения чисто практического характера, а именно появление образований, преследующих цели, которые могут быть достигнуты в результате объединенных усилий ряда физических лиц. Как свидетельствуют древнеримские источники и научная литература более позднего времени, подобными субъектами, привлечшими к себе внимание, явились союзы под наименованием *corpus* и *universitas, collegia* [2, с. 31]. Однако, прежде чем перечисленные термины наполнились цивилистическим содержанием, им предстоял неблизкий путь формирования и развития под «крышей» публичного права. Подобного рода образования в качестве коллективных объектов исследования представлялись в том числе в виде властных органов: государства, курий, коллегий, муниципий различного рода, выражаясь современной терминологией, административных органов. В связи с этим обращает на себя внимание то, что достижение упомянутых целей предполагает необходимость коллективных усилий по причине значительных имущественных затрат, которые не в состоянии обеспечить отдельное физическое лицо. Именно в силу отмеченных обстоятельств указанные субъекты, сосредоточившие в своих руках значительное имущество, в том числе за счет налогов и тому подобных поступлений, могли позволить реализацию крупных проектов, включая совершение сделок, в том числе и с гражданами (физическими лицами), входящими в состав такого объединения. Естественно, последние отношения регулировались с учетом их особенностей, не допускающих диктатуру интересов какого-либо из его участников.

Таким образом, происхождение союзных образований в Древнем Риме было связано с функционированием управленческих структур, включая государство, в

сфере публичного права. Как отмечал Д.Д. Гримм, на этом этапе развития общественных отношений римляне «не признавали ясно различия между государством как политическим союзом и государством как самостоятельным субъектом имущественных прав и обязанностей...» [3, с. 88]¹. Отправляя политические функции, государство вступало в сделки с частными лицами, а возникающие в связи с их исполнением споры разрешались в административном порядке, «не подлежали ведению общей гражданской юрисдикции» [там же]. Впоследствии произошло расчленение сложившихся форм с выделением бытовых союзов в составе физических лиц. «Это был именно момент обособления публичного и частного права из прежнего тесного сближения их в старых автономных союзах в формах лично-зависимых отношений целых групп населения от господских прав привилегированного класса» [там же, с. 379]². Любопытным следствием этого процесса явилось и одновременное обретение муниципией как местной общиной, как обособленной части государства, частной правосубъектности. Это стало возможным в том числе и потому, что было соблюдено одно из необходимых условий самостоятельного участия в гражданском обороте — наличие обособленного имущества [4, с. 596, 597]. Источники подчеркивают, что требования и долги корпорации не должны быть смешиваемы с личными требованиями и долгами ее членов [2, с. 95]. В иных случаях появления союзных образований их имущественная база создавалась различными способами — от выделения денежных средств государством до частных взносов и пожертвований на сооружение церквей, больниц, приютов для престарелых и пр. Наличие обособленного имущества у вновь создаваемых организаций ставило их в равное по отношению друг к другу положение и делало возможным использование судебных процедур при возникновении споров.

Последующая история цивилистики свидетельствует о бескомпромиссном восприятии законодательствами европейских стран, включая Россию, данного условия в качестве признака юридического лица. Однако первоначально, как и в других странах, о восприятии этого условия в советской России можно было судить по косвенным признакам (см., например, ст. 13 ГК РСФСР 1922 г.), в последующем оно получило закрепление в нормативных *definitio* юридического лица (ст. 23 ГК РСФСР 1964 г., ст. 48 ныне действующего ГК РФ).

Одной из самых серьезных проблем, возникших в процессе формирования понятия юридического лица как самостоятельного участника имущественных частноправовых отношений, явилась персонификация упомянутой имущественной базы, закрепление ее за вновь созданным субъектом права. Естественно, последние отношения могли регулироваться с учетом их особенностей, не допускающих давление интересов какого-либо из его участников [5, с. 131]. В юридической литературе создание серьезной имущественной базы за счет аккумуляции средств объединителей традиционно рассматривалось в качестве необходимого условия формирования союзных (коллективных) образований и в меньшей степени уделялось внимание следствию такого образования, как ограничение риска для его участников, в котором, по мнению В.А. Белова, заключен изначальный смысл конструкции юридического лица [там же, с. 132]. Полностью соглашаясь с подобным мнением, он, вместе с тем, полагал, что участники отношений вряд ли учитывали это при создании юридических лиц. Ясно, что на стадии совме-

¹ Отмечая создание отдельными физическими лицами известных союзов, обществ, Д.И. Мейер обращает внимание на то, что «само государство есть не что иное, как обширный союз отдельных физических лиц» [1, с. 136].

² В связи с этим Д.Д. Гримм предлагал различать союзные образования публичного и частного характера. К первым он относил, «например, государственные, городские и сельские общины, цехи и сословия, ко вторым — многое множество союзных образований, преследующих коммерческие, научные, любительские и т.п. цели, а также союзы семейного типа» [3, с. 80].

ния в рамках властных органов управленческих функций и задач по участию в гражданском обороте использование имеющегося имущества рассматривалось как само собой разумеющееся. Таким образом, происхождение союзных образований в Древнем Риме было связано с функционированием управленческих структур, включая союз, и как субъекта имущественных отношений, поскольку не усматривали выгоды от создания таких союзов.

Если следствием расчленения форм отношений с участием властных структур, распространившего действие на них частноправовых норм, явилось удвоение их правосубъектности (публично- и частноправовой), то в правоотношениях с иными участниками частноправовая субъектность возникала у них впервые. Как писал С.А. Муромцев, «отделение общего имущества от частного (читай — опосредуемого публичными и частноправовыми нормами — А.Х.) не ведет непременно к его исключению из области гражданского права и оборота. Напротив, споры о нем разрешаются в порядке гражданского судопроизводства и, стало быть, оно остается в гражданском праве; имущественные отношения к посторонним лицам устанавливаются посредством гражданских актов и, стало быть, общее имущество состоит в гражданском обороте» [4, с. 607, 608]. В особенности острой указанная проблема представлялась юристам в связи с созданием данной базы посредством взносов физических лиц, послуживших основой для включения их в людской субстрат организации. Результатом дискуссии явился прежде всего вывод о том, что выход кого-либо из состава вновь образованного субъекта не может поколебать его существования как самостоятельного участника гражданского оборота, ибо «корпорация имеет свое самостоятельное имущество, отдельное от имущества ее членов». При этом подчеркивался отличный правовой статус указанных лиц от других субъектов, обусловленный получением последними выгод от их участия в таком юридическом лице (например, престарелые, больные и прочие презируемые лица, так называемые дестинаторы, т.е. лица, в интересах которых действует учреждение, по общему правилу совершенно устраненные от участия в управлении делами учреждения). Но это не снимало с повестки дня вопросы формирования и проявления воли вновь созданного субъекта при совершении юридически значимых действий. Тот же С.А. Муромцев отмечал, что все гражданские акты совершаются от имени организации (корпорации) или личным составом организации «в его совокупности (что было не всегда удобно и не всегда осуществимо юридически, потому что единогласие всех действующих составляло по сложившимся понятиям необходимое условие многих гражданских актов), или особым заместителем, каковым являлся или особый постоянный орган, или временный уполномоченный» [там же]. По существу, все изложенные рассуждения в той или иной степени опирались на общую характеристику корпорации, данную Гаем, которая сводилась к тому, что «всякая корпорация имеет свое имущество, свою кассу и доверенное лицо для ведения своих дел» (1.1 § 1 D) [3, с. 95].

Не менее актуальным на протяжении всей истории юридических лиц был вопрос о фиксации момента рождения юридического лица. Уже изначально сложились два прямо противоположных взгляда на решение этой проблемы. Согласно одному, в основе которого лежит теория фикции, юридическое лицо есть субъект права только по исключению и потому всегда нуждается в признании со стороны общественной власти. В соответствии с другим, сформировавшимся в период республики, образование корпораций в смысле самостоятельных юридических лиц не стеснялось ничем, зависело вполне от учредителей союза под единственным условием, *ne guid ex publica lege corrumpant* (1.4 D. de colleg. 47, 22) — чтобы «это собрание не выходило из пределов, предписанных законом» [там же]. Однако впоследствии «Цезарь упразднил все collegia и sodalitates, за исключением жрече-

ских коллегий и древних цехов, которые существовали с незапамятных времен» [3, с. 89]. Вскоре после этого *lex Iulia de collegiis* постановила, что впредь вольные корпорации могут быть образованы только с разрешения сената или императора. Таким образом, образование новых корпораций было подчинено контролю государственной власти. В последующем на смену имевшим место в истории римской юриспруденции колебаниям в легализации юридических лиц в эпоху средневековых корпораций пришла относительно устойчивая тенденция установлению явочного порядка, обязанного своим появлением «как существенным преобразованиям исторической обстановки, так и ориентированной на эти преобразования цивилистической доктрине» [6, с. 63, 64].

Процесс формирования понятия юридического лица в условиях древнеримской правовой системы с очевидностью свидетельствует о том, что у тогдашних законодателей отсутствовало представление о неких иных участниках правовых отношений кроме физических лиц, на что обращали внимание все исследователи, посвятившие свои работы данной теме. Их контрагентами выступали государственные структуры в виде центральных и местных органов власти, а возникающие между ними конфликтные ситуации разрешались последними с учетом понимания сложившихся на тот момент интересов государства, в той или иной степени отраженных в законодательстве, представленном совокупностью публично-правовых норм различного уровня. Развитие общества в этот период характеризовалось проявлением крайнего индивидуализма, что не могло не тормозить реализацию значимых проектов за счет концентрации имущественных средств: существующие на тот момент способы решения данной проблемы посредством заключения договоров товарищества не могли в полной мере удовлетворить нарастающие потребности. Этому могла способствовать только аккумуляция средств в рамках государственных структур либо религиозных организаций. Как отмечалось, первые укреплялись в имущественном плане за счет налогов и различного рода сборов, вторые за счет помощи государства, взносов и пожертвований прихожан. На наш взгляд, не должно вызывать удивления формирование имущественной основы юридических лиц в указанных рамках, ибо они, являясь существенной принадлежностью родового и военного быта, вместе с тем могли быть противопоставлены царившему в общественных отношениях индивидуализму, охраняемому с помощью интердиктов. Таким образом на базе объединенного имущества в рамках упомянутых структур формировались индивидуальные интересы объединителя, делая возможным самостоятельное участие его в гражданском обороте. Как указывают авторы коллективной монографии «Римское частное право», «первым более отчетливым выражением идеи юридического лица было, по-видимому, правовое положение, сложившееся при содействии претора для муниципий, т.е. городских общин, которым римское государство, включая их в свой состав и наделяя их жителей римским гражданством, предоставляло самоуправление и хозяйственную самостоятельность. Правовым выражением этой хозяйственной самостоятельности явилось подчинение муниципий в их имущественных отношениях частному праву» [7, с. 117]. Этот процесс, включая эволюцию субъектного состава складывающихся при этом отношений (отмеченную выходом за пределы государственно-административных и религиозных структур, включением в него физических лиц) был подробнейшим образом рассмотрен Н.С. Суворовым в монографии «Об юридических лицах по римскому праву» [2, с. 29–88]. К такому же, по существу, результату в оценке изложенного процесса приходит и С.А. Муромцев, который формулирует его как включение общего имущества в гражданский оборот, что обеспечивало впредь его юридическую защиту с применением судебных процедур [4, с. 596–601].

Появление в гражданском обороте наряду с физическим лицом другого участника, именуемого юридическим лицом, объяснялось по-разному зарубежными и отечественными учеными. Разумеется, породившие данным событием теории нельзя рассматривать как мгновенную реакцию на происходящее, равно как и сам процесс формирования рассматриваемого понятия, растянувшийся на сотни лет. Сложившиеся взгляды на правовую природу юридического лица, как свидетельствуют литературные источники конца прошлого тысячелетия, до недавнего времени находились в центре внимания науки. Наибольшее распространение получила теория фикции, по мнению сторонников которой юридическое лицо является искусственным образованием, продуктом мыслительной деятельности человека, что было вполне естественной реакцией на господствующие в обществе на тот момент представления об участниках гражданских правоотношений, наделенных сознанием и волей, чего, по мнению исследователей, был напрочь лишен новый субъект права. Противоположных взглядов придерживались ученые, по мнению которых «термины, встречающиеся в римском праве для обозначения юридических лиц: «corpus» и «universitas», не заключают в сем мысли о чем-либо фиктивном, воображаемом, в противоположность реальному, действительно существующему» [2, с. 31]. В связи с этим, проводя параллели с собирательными вещами, объединенными в одно целое (стадо скота, табун лошадей), они приходят к выводу о том, что применяемая «терминология не дает никакого повода полагать, что римляне связывали с universitas persanarum идею фиктивного, выдуманного, не существующего в действительности лица» [там же].

Решение проблем, вызванных к жизни формированием юридических лиц, в частности связанных с условиями их создания, зависело, по-видимому, от того, каких взглядов придерживался тогдашний законодатель в оценке природы юридического лица — теории фикции или теории социальной реальности, как нарекли в последствии исследователи совокупность таких взглядов. Насколько приведенные теории сохраняют свою актуальность свидетельствуют современные литературные источники. Так, И.А. Покровский замечает в «Основных проблемах гражданского права», что «каждому из этих двух воззрений соответствуют и две различные практические системы: первому — система утверждения или, правильнее, система концессионная, а второму — система свободного образования» [8, с. 148]. А Б.Б. Черепяхин, подвергнув критике сформировавшиеся в советский период теории о людском субстрате юридического лица, замечает, что права юридического лица, в том числе на имущество «принадлежат ему самому и не принадлежат людям, составляющим его людской субстрат» [9, с. 299].

Признание юридических лиц самостоятельными участниками гражданских правоотношений, вполне логично поставило на повестку дня вопрос об объеме их правоспособности. Надо полагать, образцом для его решения могла служить правоспособность физических лиц. Однако серьезным препятствием этому являлось отсутствие у вновь образованного лица сознания и воли, определяющих поведение физического лица в гражданском обороте. Предлагаемые решения зависели от того, какой позиции придерживались ее авторы — сторонники двух приведенных теорий. И здесь, на первый взгляд, проявились преимущества сторонников теории фикции, которые небезосновательно обращали внимание на искусственное происхождение всех правовых институтов, включая само право. В связи с этим Д.Д. Grimm справедливо замечает, что «правоспособность есть социальное качество, жалуемое объективным правом», а потому «не найдем уже ничего странного в том, что правоспособность может отсутствовать у физических лиц и может быть присвоена союзным образованиям» [3, с. 82]. Отсюда следует, что юридические лица являются «столь же реальными субъектами прав, как фи-

зические лица» [3, с. 83]. Однако он возражает против наделения юридических лиц *самостоятельной волей и дееспособностью*, чем «вводятся лишь новые и притом ненужные фикции» [там же]. Н.С. Суворов также замечает, что «при этом почему-то правоспособность юридического лица считается искусственной, придуманной, а потому противоестественной, по существу признаваемой по аналогии» [2, с. 30].

Долгий процесс образования юридических лиц привел к появлению в гражданском обороте Древнего Рима разнообразных их видов, которые, на наш взгляд, с учетом их происхождения, в том числе по времени, могут быть сгруппированы в два массива. Первоначально источником их появления послужили государственные структуры, в том числе многочисленные города, представляющие «как бы обособленные части государства, которые принадлежали к целому, практиковали в данной территории общегосударственные функции» [4, с. 599]. Принадлежащее им имущество, ранее исключенное из гражданского оборота, нуждалось в защите, которая не могла быть обеспечена действующими публично-правовыми нормами. Как замечает С.А. Муромцев, в этих случаях «городские власти искали покровительство у римского суда» [там же, с. 599–600]. Надо полагать, такая защита от покушений со стороны участников гражданского оборота могла быть предоставлена при условии уравнивания в правовом статусе городских и сельских общин, многочисленных коллегий, «на обязанности которых лежало выполнение той или другой функции государственного свойства», с иными участниками гражданского оборота [там же, с. 601]. При этом не следует забывать, что на начальных этапах становления и развития древнеримского общества решающим подтверждением наличия субъективного права у нуждающегося в его защите участника общественных отношений являлось наличие права на иск. В связи с этим, как нам представляется, наделение союзов правами юридического лица было шагом вперед в вопросе упорядочения общественных отношений по сравнению с ранее существовавшим порядком, предполагающим наличие у лица, нуждающегося в защите своего интереса, субъективного права в связи с наличием права на иск.

Следующим этапом в становлении и развитии правовых форм коллективного участия в гражданском обороте было создание юридических лиц на базе свободного объединения имущества, принадлежащего иным участникам оборота. Таким образом расширялась практика включения в гражданский оборот личного имущества на базе его объединения.

Правоспособность юридических лиц строилась по образцу правоспособности физических лиц; последняя определялась с учетом условий правовой регламентации общественных отношений, тех институтов, которые сложились в тот или иной период римской истории. Если обратиться к ней, то нетрудно проследить последовательное формирование правовых институтов, соответствующих уровню экономического состояния общества, диктующего актуальность внедрения этих институтов. Как правило, в большинстве литературных источников как архаического, так и более поздних периодов (республиканского и классического) перечень упомянутых институтов преподносится как результат развития законодательства Древнего Рима. В то же время не игнорируется тот факт, что масштаб правоспособности юридических лиц на стадии их зарождения сильно отличался от периода раскола Римской империи, который характеризовался тем, что «правоспособность юридического лица постепенно вместила в себя почти всю имущественную правоспособность физического лица» [там же, с. 608]. Об этом свидетельствует динамика формирования правоспособности юридических лиц.

Эволюция правоспособности юридических лиц может быть прослежена прежде всего на примере вещно-правовых отношений. Уже зарождение юридических

лиц как участников гражданского оборота было связано с необходимостью признания муниципий, городских и сельских общин самостоятельными субъектами имущественных правоотношений, что стало возможным только при наделении их правами владения. В этом качестве они, как отмечают исследователи, могли приобретать владение, а в последствии и право собственности, не только посредством сделок, но и узукапии. Так, Ульпиан утверждал, что «города могут и владеть, и узукапировать, и при том как через рабов, так и через свободное лицо» [2, с. 240]. С таким толкованием текстов дигест согласен и сам Н.С. Суворов, приводящий слова Ульпиана, замечаящий при том, что «владение признано не только за городами, а и за всеми вообще юридическими лицами» [там же, с. 243]. Владением и собственностью не ограничивалась вещная правоспособность юридических лиц. Разновидностью вещных правоотношений были так называемые права на чужие вещи, к числу которых относились залог, сервитуты, суперфиций и эмфитевзис. Как отмечает тот же Н.С. Суворов со ссылкой на Гая, что «сельские сервитуты даже и в древние времена могли быть приобретены рабами посредством манципации» [там же, с. 244]. Таким образом, предиальные и личные сервитуты входили в состав правоспособности юридических лиц, способствуя расширению их поземельной собственности.

Важным в этом смысле вопросом, влияющим на правоспособность участников гражданских правоотношений в Древнем Риме во все времена, был вопрос о судьбах рабов как объектов этих отношений. В отличие от обычных вещей положение раба могло изменяться: из объекта правоотношения собственности он мог превратиться в субъекта правоотношения патроната, вольноотпущенника. С появлением в обороте юридического лица последнее могло выполнять роль патрона, что становилось одним из важных элементов его правоспособности, в свою очередь подверженной качественным изменениям на протяжении всего времени существования рабовладельческого государства.

Условием устойчивости римского государства являлась стабильность правопорядка, в сохранении которого был заинтересован господствующий класс, в следовании традициям, сложившимся под воздействием законодательства, обеспечивающего преемственность в его применении при смене поколений. В связи с этим невозможно переоценить сложность решения подобной задачи законодателем при появлении на сцене гражданского оборота нового участника. Следование при формировании его правоспособности опыту формулирования правоспособности физического лица осложнялось искусственным происхождением юридического лица (согласно теории фикции), что существенным образом осложняло участие последних в наследственных правоотношениях.

При определении правоспособности юридических лиц в области наследственных правоотношений римский законодатель столкнулся с теми же проблемами, какие он испытывал при оценке правовой природы юридического лица как самостоятельного субъекта частного права. Если сторонники «реальной» теории не видели никаких препятствий в наделении союзных субъектов правами наследования, то защитники фиктивного происхождения юридического лица отказывали ему в исполнении роли наследника по причине неопределенности происхождения и проявления воли на приобретение наследства *mortis causa*. В связи с этим процесс вовлечения юридических лиц в наследственные правоотношения растянулся на сотни лет и заключался в последовательном распространении на различных участников общественных отношений правил о фидеикомиссах, завещательных отказах и наследствах.

Другой сферой правовых отношений, оказавшей существенное влияние на формирование правоспособности юридических лиц, являлась, разумеется, область

построения и реализации обязательств. И здесь с наибольшей рельефностью проявилась тенденция развития законодательства в Древнем Риме, выражающаяся в учете практических потребностей, диктуемых уровнем развития экономических отношений. Прежде всего объем правоспособности юридических лиц предопределялся необходимостью совершенствования обязательственных правоотношений, их устойчивого развития, укрепления ответственного отношения их участников к исполнению принятых на себя обязательств. Все сложившиеся на тот момент принципы регулирования обязательственных отношений с участием физических лиц были учтены при определении правоспособности новых участников гражданского оборота. Последовательно проводилось в жизнь правило «*pacta sunt servanda*», ставшее основополагающим принципом гражданского права, исторической догмой. В связи с этим были последовательно восприняты различные формы залога в качестве способа обеспечения исполнения обязательств — от фидуции до пигнуса и ипотеки. Повышенное внимание исследователей в связи с созданием юридических лиц проявилось к вопросам ответственности последних, в том числе за действия своих представителей. Прямое копирование соответствующих правил, действующих в отношении физических лиц, определяющих возникновение последствий совершенной сделки непосредственно у господина, например, у Н.С. Суворова, опирающегося на сложившуюся в то время практику, не вызывает возражение. Д.Д. Grimm, однако, ссылаясь на отсутствие у юридических лиц дееспособности, находит иное объяснение ответственности юридического лица за действия своего представителя, совершившего деликт. На его взгляд, «ответственность юридических лиц за деликты их представителей вполне оправдывается принципом: *cuius commodum, eius periculum* — кто получает известные выгоды, тот несет и сопряженный с ними риск» [3. с. 99]. Поэтому он полагает, «так как юридические лица извлекают выгоды из института представительства, то они должны нести риск, сопряженный с назначением представителя» [там же]. При этом следует иметь в виду отсутствие не только единства в понимании представительства, но и в определении содержания этого понятия. Так, например, Н.С. Суворов, ссылаясь на возникновение права требования по стипуляции, совершенной рабом, непосредственно у господина, не видит при этом, естественно, представительства, так как раб не является субъектом права. Д.Д. Grimm усматривает представительство в тех случаях, когда в роли так называемых представителей выступают участники юридического лица, наделенные определенной компетенцией в соответствии с уставом, учредительным актом или общим законом. По его мнению, «все лица, отправляющие совместно или раздельно функции управления, распоряжения и контроля, рассматриваются как *представители* целого» [там же, с. 97].

Понятие правоспособности, сложившееся довольно рано, включало в себя обладание правами, в связи с чем определялся правовой статус участников общественных отношений. В соответствии с этим сложилась своего рода традиция различать участников гражданского оборота в зависимости от тех правовых возможностей, которыми их наделяло государство с учетом выполняемой ими деятельности, представляющей определенную ценность в глазах общества. С появлением юридических лиц как коллективных субъектов частноправовых отношений возникла проблема (ранее отсутствующая по причине совпадения в одном лице волеобразующего и волеизъявляющего субъекта — физического лица) проявления воли и сознания в реализации принадлежащих им прав, включая регулирование процедур принятия соответствующих решений и представления интересов юридического лица во вне. Таким образом, появление юридических лиц привело к расширению понятия правоспособности, включению в его состав помимо обла-

дания правами способности к их реализации [9, с. 301]. Как ранее было отмечено со ссылкой на мнения Н.С. Суворова и С.А. Муромцева, под представительством понималось непосредственное выражение интересов юридического лица во внешних его связях (раб мог принадлежать и юридическому лицу). Однако в случае с юридическим лицом в качестве представителя выступал «особый постоянный орган, или временный уполномоченный», который действовал от имени всей организации [4, с. 608]. Через представителя могли совершаться различные юридические акты, включая приобретение права собственности и владения, залогового права и сервитута, участвовать в наследственных и других правоотношениях [там же, с. 608–609].

Список использованной литературы

1. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. — Москва : Статут, 2000. — 299 с.
2. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву / Н.С. Суворов. — Москва : Статут, 2000. — 299 с.
3. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. — Москва : Гарант, 2003. — 495 с.
4. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев. — Москва : Статут, 2003. — 684 с.
5. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. / В.А. Белов. — EDN [VTTTGP](#). — Москва : Юрайт, 2011. — Т. 2 : Лица, блага, факты. — 1093 с.
6. Иоффе О.С. Гражданское право. Избранные труды / О.С. Иоффе. — Москва : Статут, 2000. — 777 с.
7. Римское частное право / И.С. Перетерский, В.А. Краснокутский, Е.А. Флейшиц [и др.]. — Москва : Юрист, 1996. — 544 с.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. — Москва : Статут, 1998. — 353 с.
9. Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепяхин. — Москва : Статут, 2001. — 477 с.

References

1. Meier D.I. *Russian Civil law*. Moscow, Statut Publ., 2000. 299 p.
2. Suvorov N.S. *About Legal Entities Under Roman law*. Moscow, Statut Publ., 2000. 299 p.
3. Grimm D.D. *Lectures on the Dogma of Roman Law*. Moscow, Garant Publ., 2003. 495 p.
4. Muromtsev S.A. *The Civil Law of Ancient Rome*. Moscow, Statut Publ, 2003, 684 p.
5. Belov V.A. *Civil Law. The General Part*. Moscow, Yurait, 2011. Vol. 2. 1093 p. EDN: [VTTTGP](#).
6. Ioffe O.S. *Civil Law. Selected Works*. Moscow: Statut Publ., 2000. 777 p.
7. Pereterskii I.S., Krasnokutskii V.A., Fleishits E.A., Rozental' I.S., Novitskii I.B. *Roman Private law*. Moscow, Yurist Publ., 1996. 544 p.
8. Pokrovskii I.A. *The Main Problems of Civil Law*. Moscow, Statut Publ, 1998. 353 p.
9. Cherepakhin B.B. *Works on Civil Law*. Moscow, Statut Publ, 2001. 477 p.

Информация об авторе

Хаснутдинов Анвар Измаилович — доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, a.hasnutdinov@gmail.com, SPIN-код: 5093-5701, AuthorID ИИНЦ: 465666.

Author

Anvar I. Khasnutdinov — D.Sc. in Law, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, a.hasnutdinov@gmail.com, SPIN-Code: 5093-5701, AuthorID RSCI: 465666.

Для цитирования

Хаснутдинов А.И. Юридическое лицо в Древнем Риме (формирование понятия) / А.И. Хаснутдинов. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(4).20. — EDN [SVGCTS](#) // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 4.

For Citation

Khasnutdinov A.I. Legal Entity in Ancient Rome (Concept Formation). *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 4. (In Russian). EDN: [SVGCTS](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(4).20.